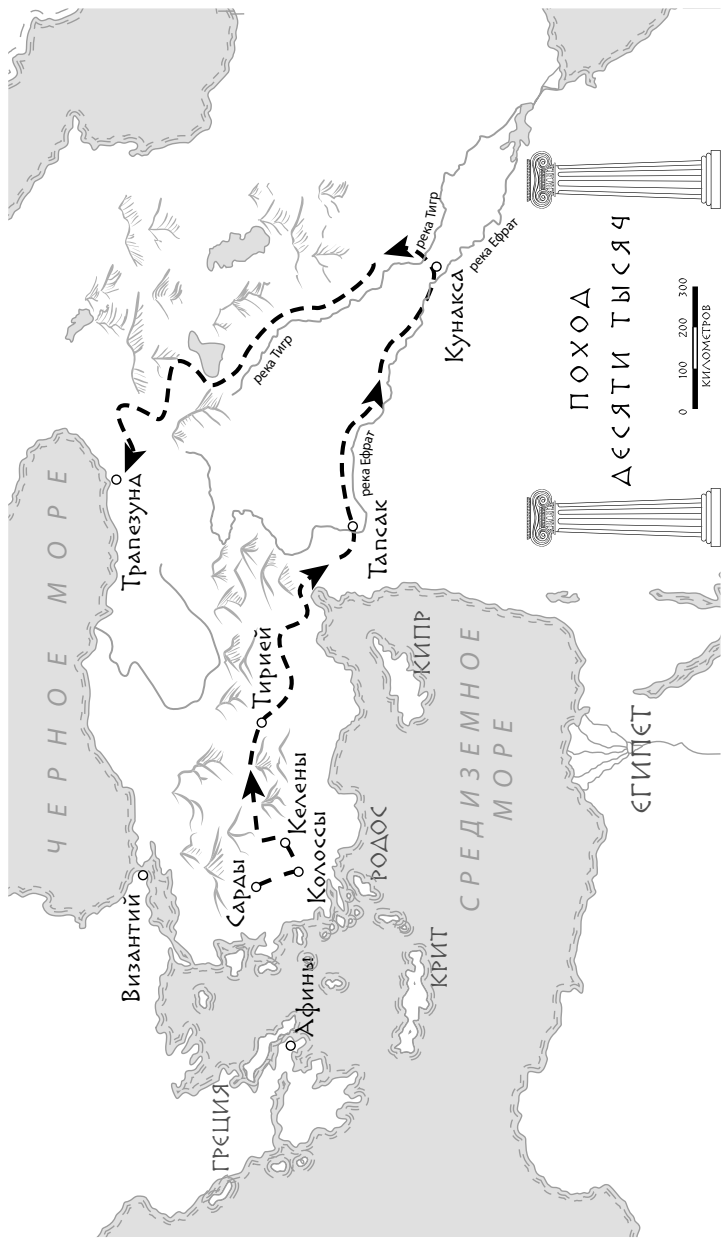

*Моему сыну Кэмерону,
посетившему Спарту
вместе со мной*

В 401 году до н. э. персидский царь владел империей от Эгейского моря до северной Индии.

В его власти находилось полсотни миллионов подданных, и войско его было огромно.

И только Спарта с Афинами, действуя сообща на суше и на море, обращали его вспять.

ПРОЛОГ

В Вавилоне царил зной, под которым скворцы, разевая клювы, являли наружу темные язычки. За толщей городских стен солнце неистово пылало над теми, кто работал в полях. Шествуя посередине дороги, Царь Царей поблескивал то ли от масла, то ли от пота — от чего именно, его сын сказать затруднялся. Отцова борода, тоже блестящая от позолоты, курчавилась тугими колечками — такая же неразлучная его часть, как запах роз или золотое шитье мантии, колышущейся в такт движениям.

Воздух припахивал жарким камнем и хвоей кипарисов, застывших под выцветшей синевою неба черными наконечниками. Соседние улицы были загодя очищены от своих обитателей — ни старика, ни ребенка, ни даже курицы, которая осмеливалась бы корябать землю на глазах у царевых стражников, оцепивших место прогулки своего могучего властителя. Тишина зиждилась такая, что можно было расслышать тонкий щебет птиц.

Улицу Нингал устилала пальмовые ветви, хрустящие под ногой и еще не утратившие своей зелени. Ни дуновения, ни дурные запахи не прерывали неспешных назиданий отца. Ведь речь шла ни больше ни меньше о самом существовании высочайшего дома, так что ни приближенным, ни соглядатаям не надле-

жало в это время даже пребывать вблизи. Повеление очистить к рассвету улицу по всей ее длине начальник стражи счел царственной причудой. Правда же состояла в том, что некоторые из слов предназначались не для сторонних ушей. О том, что этих самых ушей при дворе в избытке, царь знал досконально. Слишком уж много сатрапий¹ и царств, больших и малых, было попрано его сандалиями. Девять десятков правителей и наместников всех мастей платили своим доносчикам за наушничанье, и тысяча царедворцев толклась локтями за свое положение при троне. Так что даже обыкновенная прогулка наедине с сыном (удовольствие, доступное любому пастуху) была нынче роскошью под стать рубинам, ценностью наравне с «лучниками» — толстыми, золотыми с изображением Дария, что гуляли по просторам его державы.

При ходьбе отрок-царевич то и дело бросал на своего отца взгляды, полные преданности и немого обожания. Он силился походить на царя в том числе и походкой, но, чтобы не отставать, ему требовалось то и дело прибавлять по полшага, и выходили какие-то несуразные подскоки. Дарий, казалось, этого не замечает, но сын-то знал, что от отца не ускользают никакие мелочи. Секрет долгого правления Дария состоял в его мудрости. Если бы мальчика спросили, он бы с жаром воскликнул, что его отец не ошибается никогда и ни в чем.

В дни, когда вершились суды, Дарий восседал над своими самыми могущественными сатрапами; над военачальниками, чьи рати исчислялись десятками тысяч; над правителями стран дальних, как луна, и изобилующих несметными богатствами. Царь от-

¹ Административная единица державы Ахеменидов, династии, к которой принадлежали названные здесь персидские шахиншахи («цари царей»); глава сатрапии — сатрап.

страненно слушал, временами поглаживая бороду, и на руках его оставались следы от позолоты. Иногда он рассеянно пробовал от виноградной грозди в золотой чаше, которую держал подле него коленопреклоненный раб. За всей этой мнимой неспешностью Дарий прозревал суть и выносил суждение уже тогда, когда его советники еще лишь спорили и взвешивали доводы. Артаксеркс мечтал уподобиться в этом отцу, а потому слушал и постигал, усердно постигал и прилежно слушал.

Город был тих настолько, насколько это способны обеспечить тысячи стражников, приткнувших клинки к шеям возможных нарушителей. Царевы военачальники понимали, что при любом слушании венценосный гнев падет на них, а потому отец и сын шли так, словно были единственно живыми в этом мире с его пылью и солнцем, которое, клонясь к закату, приносило облегчение от тягостного дневного зноя.

— Вавилон был некогда сердцем могущественного царства, — молвил Дарий голосом мягким, скорее учителя, чем воина.

Сын поднял голову; глаза его были яркие.

— Но Персия все равно могучее. Ведь правда?

Отец улыбнулся сыновней гордости.

— Разумеется. А как же иначе? Персия в десятки раз превосходит потуги древнего Вавилона. Границы моих владений человеку не обойти за всю свою жизнь — и не то что одну, а даже несколько. Однако, сын мой, царство не досталось мне даром. Когда от рук убийц пал мой отец, тиара перешла моему брату. Он принял ее с еще не просохшими от слез глазами, но не прошло и месяца, как жизнь отняли и у него.

— Но ведь ты отомстил тем, кто его умертвил? — желая нравиться отцу своей почтительностью, спросил Артаксеркс.

Царь Царей остановился и обратил лицо к солнцу, словно пытаясь лучше разглядеть свои воспоминания.

— Да, сын мой, — смежив веки, отозвался он. — Когда в тот день взошло солнце, нас было трое. Трое братьев. А к вечеру я остался один. Я был обагрён кровью, но я стал царем.

В глубоком вздохе Дарий скрипнул шитьем мантии поверх тонких нижних шелков. Его сын в безотчетном подражании тоже выпрямился. Артаксеркс не знал, зачем отец призвал его к себе и отчего даже телохранители из отряда Бессмертных нынче что-то не на виду. По разговорам, его отец не доверял никому, однако сегодня он прохаживался один, наедине со своим первенцем и наследником. От такого доверия четырнадцатилетний Артаксеркс светился гордостью и блаженством.

— Сыновей у правителя должно быть несколько, — продолжал отец. — Смерть приходит неуловимо и внезапно, подобно ветру пустыни. Она может сомкнуть на тебе когти при падении скакуна или от пущенной стрелы. Столь же губительны бывают яд и людское коварство, испорченное мясо или насланная злыми духами лихорадка. В таком мире царь с единственным сыном — это вызов богам, не говоря уже о врагах, коих множество.

Дарий, заложив руки за спину, прибавил шагу, и Артаксеркс был вынужден поторопиться, чтобы не отстать. Когда он поравнялся с отцом, тот повел речь дальше:

— Но когда этот первенец, это твое возлюбленное дитя выживает и входит в возраст, становясь мужчиной, то начинается другая игра. Если он располагает братьями, драгоценными для него в годы отрочества и юности, то со временем они становятся единственными на свете, кто способен его всего лишить.

— Кир? — оторопел от внезапной догадки Артак-

серкс. Несмотря на осторожность, на благоговение перед отцом, сама мысль о том, что его младший брат может когда-нибудь обернуться для него врагом, заставила глаза царевича дерзко сверкнуть. — Отец, да разве ж он мне недруг!

Дарий развернулся на месте. Полы его мантии взметнулись, будто крылья жука перед полетом.

— Ты сын мой и мой наследник. Если тебя заберут боги, то царем станет Кир. Такова его... цель. — Царь Царей, грузновато опустившись на одно колено, взял обеими руками ладони своего сына. — Мою тиару будешь носить ты, такова моя воля. Но Кир... Кир — прирожденный воин. Всего тринадцати лет от роду, а на коне уже скачет, как заправский всадник. Ты хоть обращал внимание на то, какими глазами на него смотрят? В одном лишь прошлом месяце его с почетом носили на руках при дворце за то, как он из своего детского лука сбил на лету птицу.

Царь смолк, всем видом своим призывая Артаксеркса к пониманию.

— Сын мой, я люблю вас обоих. Но когда я возьму на смертный одр, а царство мое будет по мне скорбеть, то в тот последний день я призову в дом Кира, и тебе придется его убить. Если же ты оставишь его в живых, то тогда счеты с тобой, несомненно, сведет он. И умертвит тебя.

В глазах Дария слюдинками блестели слезы. Такие чувства в отце Артаксеркс замечал впервые, и это ввергало его в смятение.

— Отец. Мне кажется, ты все же ошибаешься. Но сказанное тобою я запомню.

Царь, шелестя мантией, поднялся на ноги. Лицо его заметно потемнело не то от усилия, не то от гнева или еще какого-то чувства — сложно сказать.

— Тогда запомни и это, — отрывисто и повелительно рек он. — Если ты хоть слово поведаешь Киру из

того, что я изо всех своих сил удерживаю в тайне, то ты тем самым перережешь свое собственное горло. Конечно же, не сегодня и не в нынешнем году, пока вы смеетесь и играете вместе. Он будет клясться тебе в своей верности, и сомнения нет, что слова его будут идти от сердца. Но придет пора, когда ты оступишься или когда он увидит, что царством ему никогда не владеть. Что ему дворцовые утехи: ему нужна будет власть, а не положение вельможи. И вот тогда он придет к тебе, чтобы заполучить трон. И если я к тому дню буду еще жив — а ко мне он явится сразу после, с твоею кровью на руках... — то я обниму его, ибо у меня уже не будет другого сына. Понимаешь ли ты это, Артаксеркс?

— Да, отец, — ответил сын, тоже чувствуя в себе покалыванье гнева. — Но если он мил тебе настолько, то почему б тебе не убить меня здесь, на этой дороге, и не дать Киру сразу же занять престол? Коли уж других сыновей у тебя нет и ты боишься потерять преемственность. — Не ожидая ответа, он горько воскликнул: — Неужто сердце твое настолько холодно? И тебе все равно, кто из нас взойдет на царство?

— Будь мне все равно, разве велел бы я очистить полгорода для этой прогулки наедине с тобой? И видишь ли ты здесь Кира? Ты был ребенком, о котором мы молили богов, храбрый мой мальчик. Я не сомневаюсь в твоём уме и мудрости, Артаксеркс. В тебе течет моя кровь, и из тебя получится великий царь.

Дарий, потянувшись, коснулся щеки сына.

— Я видел, сколь сломленным возвратился из Греции мой отец. Царь Ксеркс разбил спартанцев при Фермопилах, но затем его войско потерпело поражение при Платеях. Как за десять лет до этого был разгромлен при Марафоне его отец. Так вот, более этому не бывать! Я принес эту клятву, когда сам стал царем. Своей крови в Греции мы пролили столько,

что хватит на тысячу лет. А потому вместо войны мое правление знаменовалось миром, и это принесло нам возделанные нивы и сады, вино и золото, а еще небывалую ученость. То, что сегодня стало повседневным, во всякий другой век сочли бы за колдовство. Ну а при тебе мы продвинемся еще дальше, став величайшей империей из когда-либо известных миру. *При тебе*. А вот если боги посадят на трон Кира, то я не сомневаюсь, что он затеет новую войну. Слишком уж он похож на моего отца и на отца моего отца.

— Да будет тебе известно, я умею и драться, — уязвленно заметил Артаксеркс. — Я знаю, ты так обо мне не думаешь, но я могу.

Дарий рассмеялся и похлопал сына по плечу. Он любил его и не хотел обижать своим несогласием.

— Как не знать. Хотя драться умеет любой охранник менялы. А ты царевич, Артаксеркс! И сам взойдешь на трон. А потому тебе нужно нечто большее, чем скорая улыбка и спорый меч. Начиная с сегодняшнего дня тебе требуется сила иного рода. Для этого ты уже созрел.

Царь Царей оглядел пустую улицу. В окнах не виднелось ни единого лица.

— Запомни. В тот день, когда ты взойдешь на трон, ты должен будешь от всего этого отрешиться. Ну а пока учись у своих наставников, объезжай скакунов, услаждай себя женщинами, мальчиками и красным вином. Об этом же дне не говори никому. Ты понял меня?

— Понял, отец мой, — изрек Артаксеркс.

Лицо его было таким серьезным, что Дарий невольно улыбнулся.

Он протянул руку и с отеческой простотой взъерошил своему сыну волосы.

— Благословен. Тысячу раз благословен.